

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 190–195
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 190–195
© Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-190–195

«INSPIRITALIS MONACHUS»:
К ИСТОРИИ ОДНОГО ПИСЬМА ПАВЛИНА НОЛАНСКОГО

Е.В. Литовченко

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия;
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия*

E-mail: litovchenko@bsuedu.ru

OCRID: 0000-0002-1203-6049

В статье анализируется письмо представителя позднеантичной сенаторской аристократии и епископа Павлина Ноланского (V в. н.э.), автора коллекции писем (всего сохранилось 51 послание), составивших своего рода эпистолярную сеть друзей, знакомых и коллег, проживавших на территории Римской империи в тот период. Корреспонденция была важным элементом коммуникации в ситуации, когда личные контакты были затруднены. В подобного рода литературных сетях были задействованы не только адресаты и адресанты, но и читающая публика, которой становились доступны послания как образцы эпистолярного жанра, а также курьеры. Позднеантичные авторы ответственно подходили к выбору курьеров, поскольку им доверялась ценная, порой сокровенная, информация. Цель настоящего исследования – выявление роли посланников в позднеантичной эпистолярной сети на материале избранных писем Павлина Ноланского с акцентом на послании 22. В указанной эпистоле, адресованной Сульпицию Северу, представлен «бездуховный монах» Маррацин, вызвавший негодование Павлина своим несоответствием статусу монаха. Письмо было написано в период размолвки между епископом Нолы и Сульпицием, поэтому Павлин счел отправку такого неподходящего курьера еще одним звеном в цепи разногласий с другом. Анализ и интерпретация текста в рамках микроисторического и герменевтического подходов показал, что курьеры выполняли важную миссию по связям между христианскими лидерами, ассоциировались с личностью отправителя письма, часто допускались в ближний круг автора, поэтому выбор курьера мог повлиять на образ автора коллекции писем, конструируемый им, а недостойные люди, которые не соответствовали христианской модели внешности и поведения, осуждались.

Ключевые слова: поздняя античность, эпистолярная практика, Павлин Ноланский, курьеры

Поздняя античность как переходный период, отличавшийся, однако, внутренним единством и целостностью, обеспечивавшейся уникальным сочетанием фак-

---

Данные об авторе. Елена Викторовна Литовченко – доктор исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета педагогического института НИУ «БелГУ», главный научный сотрудник НИИ «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья» СевГУ.

торов исторического процесса, представляет большой интерес в источниковедческом плане. Немаловажными, на наш взгляд, свидетельствами эпохи выступают коллекции писем авторов IV–VI вв., которые отражают специфику того времени и помогают составить представление о мироощущении позднеантичной интеллектуальной элиты, их взглядах, суждениях и оценках. Субъекты, охваченные эпистолярной деятельностью, по сути, составляли социальную сеть¹, в которой действовали установления, схожие с теми, которыми руководствуются в современных социальных сетях: они используются для общения, у каждого автора свой круг адресатов-единомышленников, каждый участник нацелен на формирование и репрезентацию определенного образа и т.п.

Позднеантичная коммуникация, регулярное поддержание которой осуществлялось по большей части за счет эпистолярной переписки, предполагала не только наличие автора письма и адресата, но и читающей публики, которой становились доступны послания в риторическом стиле, а также курьеров, роль которых была значительно важнее, чем это представляется на первый взгляд. В нашей предыдущей работе² мы уже рассматривали роль курьеров позднеантичного аристократа Сидония Аполлинария (ок. 430–ок. 486), предметом настоящего исследования стали письма представителя сенаторской знати и епископа Павлина Ноланского (ок. 353–431), в которых речь идет о бездуховном, по словам автора письма, монахе (*inspiritalis monachus*), по имени Маррацин, используемом Сульпицием Севером в качестве курьера (*tabellarius*). В «Просопографии Поздней Римской империи» (PLRE) сведений о нем нет; вероятно, письма Павлина – единственный источник об этом представителе позднеантичного общества. Таким образом, цель настоящего исследования – выявление роли посланников в позднеантичной эпистолярной сети на материале избранных писем Павлина, епископа Нолы. Исследование выполнено в русле микроисторического подхода, высвечивающего роль «маленького человека» в истории; в качестве основного метода мы использовали герменевтический анализ, позволяющий интерпретировать тексты с учетом их субъективных особенностей, а также культурных, исторических и социальных контекстов, в которых текст создавался.

Контекст создания интересующего нас письма (Paul. Ep. 22) весьма интересен: адресатом послания выступал христианский писатель и друг Павлина Сульпиций Север (ок. 360 – ок. 420), которым автор письма искренне восхищался, считал единомышленником и гораздо более ревностным христианином, чем он сам. Данное послание является третьим в ряду писем, свидетельствующих о ссоре между двумя друзьями (Paul. Ep. 11, 17, 22 et 23). Конфликт начался из-за того, что Сульпиций раз за разом отклонял приглашения Павлина посетить его в Ноле, что последний расценивал, как пренебрежение или даже оскорбление. Все четыре письма расположены в хронологической последовательности, поскольку по ним можно проследить развитие ссоры: семена размолвки были уже посеяны во время написания письма 11, дальнейшее развитие ссоры очевидно из письма 17, своего апогея конфликт достигает ко времени написания письма 22. Наконец, письмо 23,

¹ Подробнее об этом см.: Литовченко, Семичева 2023. С. Мрачек (Mratschek 2002) называет их «литературными сетями», относительно переписки среди епископов-христиан распространен термин «епископские сети», см.: Dekker 2018, Cvetkovic, Gemeinhardt 2019.

² Литовченко, Семичева 2022, 9–24.

которое начинается с заверений в безграничной привязанности и является самым длинным из сохранившихся писем, можно расценивать как примирительное. Все эти послания были отправлены адресату в промежутке между 397 и 399 гг.³

Письмо 22, по словам Д. Траута, представляет собой «едкую диатрибу» против носителя двух последних писем Севера, по имени Маррацин⁴, которая косвенно, через негативный портрет курьера, так или иначе ассоциирующегося с отправителем, обвиняет Севера, не желающего личной встречи с Павлином. Приведем перевод той части послания, которая непосредственно касается Маррацина:

«Павлин приветствует своего единомышленника брата Севера.

1. Письмо, которое ты послал с этим бездуховным монахом, было перехвачено и доставлено ко мне гонцом истинно духовным, нашим сыном Сорианом. Я пришел к выводу, что этим событием Господь оказал мне двойную милость. Во-первых, Сориан, который жаждал встречи со мной, благодаря любви, исходящей из твоего сердца, не прибыл сюда без известия от тебя; и, во-вторых, твое письмо не было доставлено мне Маррацином, который, по тому, что я расцениваю как божественное побуждение, стыдился смотреть мне в лицо или был слишком ленив, чтобы продлить свое путешествие за пределы Рима. Поэтому в столице он доверил твое письмо брату, о котором я упомянул. Он был рад возможности сократить свое путешествие, как и желал. Благодаря этой счастливой случайности он решил, что позаботился о своих интересах, нарушив твои указания – ему не пришлось притворяться монахом, как ты приказал, или смотреть монаху в лицо, как ему пришлось бы сделать со мной. Так что пусть он оставит свой солдатский плащ, сапоги и щеки при себе, ибо он боялся снять первые два и преобразить треть» (Ер. 22, 1).

Из данного фрагмента мы узнаем, что Маррацин был послан Севером с письмом к Павлину, но в Риме случайно встретился с Сорианом, которого Павлин в противоположность первому характеризует как истинно духовного человека («*vere spiritalis tabellarius*»). Завуалированный упрек Северу кроется в словах «ты приказал ему притвориться», что подразумевает некую долю обмана и утраты доверия, а также в противопоставлении двух курьеров, недостойного (Маррацина) от Севера и достойного (Сориана) от Павлина, при этом негативный портрет Маррацина складывается из данной ему Павлином характеристики: бездуховный монах, ленивый, толстощекий⁵, стыдящийся смотреть в лицо Павлину (истинному монаху). Курьер был одет в военную форму (в солдатский плащ и сапоги), к которой те, кто вел монашескую жизнь, относились неодобрительно. На самом деле, Павлин даже не видел Маррацина в этот раз, поскольку в Риме последний доверил отправленное в Нолу письмо Севера другому табелларию, Сориану. Автор послания столкнулся с Маррацином в Риме годом ранее. Об этом мы узнаем из письма 17, в котором Павлин не называет курьера по имени, однако описание Маррацина в письме 22 в точности соответствует предыдущему:

«Я был очень удивлен его одеждой и сапогами, которые совершенно не подошли на монашеские, а его лицо было таким же румяным, как и его плащ, по-

³ Подробнее о хронологии см.: Walsh 1966, 255–256.

⁴ Trout 1999, 130.

⁵ *Buccae*, в отличие от *genaе*, в латинском означает «полные, надутые щеки».

сколькx щеки не выдавали его духовности⁶. Так я убедился, что курьер был не из нашего числа» (Ер. 17, 1). Удивление, которое Павлин выразил тогда, теперь превратилось в негодование: его военный плащ и сапоги, его румяные щеки, его отрыжка и обжорство – все выдавало его⁷. В качестве антитезы епископ Нолы дает портрет своих братьев-монахов – «смиранные, облаченные во власяницы из козьей шерсти; в грубые плащи, подпоясанные веревкой; короткостриженные, с выбритой частью головы (видимо, имеется в виду тонзура), в их целомудренном уродстве...» (Ер. 22, 2). Далее Павлин пишет о том, что они (монахи) «отвергли свою естественную физическую привлекательность ради внутренней красоты», внешний вид, нрав и запах таких монахов вызывают отвращение у людей, потому что от них смердит, но это запах Христа, в отличие от тех, кто дышит отрыжкой и винными парами, как рыгающий Тразон⁸; они ослаблены добродетельными бдениями и опьянены трезвостью, шатаются не из-за излишеств, а из-за постов (Ibid.) Именно к категории подобных людей Павлин и относит второго курьера Сориана.

В заключительной части письма Павлин еще раз акцентирует внимание на персоне Сориана, говоря, что «рад приветствовать такого человека, который доставил твое письмо». Его следующую фразу также можно расценивать, как завуалированный упрек: «Я прошу тебя приветствовать его, как если бы ты послал его ко мне. Ибо он также должен быть причислен к тем, кто пришел ко мне, чтобы представлять твою братскую персону. Господь доверил ему твое письмо, хотя ты этого и не знал...» (Ер. 22, 3). Заслуга Павлина, по его мнению, в том, что это именно *его* человек, а не Севера, а посланник Севера не идет ни в какое сравнение с курьером автора письма. Этот факт подается как Божья доброта, поскольку встреча двух табеллариев в Риме была случайной, и тем самым именно через Сориана Север был спасен от того, чтобы его письмо принес недостойный человек (Ibid.). Кэтрин Конибер полагает, что ссора между Павлином и Севером усугубила и без того неприязненное отношение епископа Нолы к Маррацину. В подобной ситуации было недостаточно того, что письмо должно просто прийти, любыми средствами: чувство духовной связи и взаимопонимания между Сульпицием и Павлином, по видимому, временно прервалось, и его негодование на неудачу первоначального табеллария прямо пропорционально его высокой оценке духовных обязанностей курьера вообще. Необходимость сохранения – или в данном случае восстановления – этой духовной преемственности заметна в конце письма, где Павлин просит, чтобы Сульпиций принял Сориана, как будто он был собственным носителем и духовным собратом Сульпиция («как будто он пришел ко мне, посланный тобой») ⁹.

Таким образом, посредством анализа данного письма мы устанавливаем весьма существенные факты позднеантичной эпистолярной практики: во-первых, тесная связь между авторами писем и курьерами подчеркивала значимость регулярного обмена посланиями в позднеантичном интеллектуальном сообществе; во-вторых, личность носителя писем определенным образом ассоциировалась с автором послания¹⁰; в-третьих, в христианской корреспонденции функционал та-

⁶ Лицо и щеки монаха или аскета должны быть бледными от длительных постов и бдений.

⁷ Trout 1999, 130.

⁸ Хвастливый воин в «Евнухе» Теренция.

⁹ Conybeare 2000, 35.

¹⁰ Об этом также упоминается в письме 18 (Paul. Ер. 18. 1). Данный факт был установлен и при анализе писем Сидония Аполлинария (IV. 4, IV. 7, IV. 12), который также характеризовал курьеров,

беллария расширялся до Миссии, поскольку курьер служил связующим звеном между братьями во Христе, а постоянно циркулирующая корреспонденция обеспечивала устойчивые связи между единомышленниками. Это, в свою очередь, гарантировало включение носителя не в светское, а в духовное сообщество. Исходя из этого, становится понятным гнев Павлина Ноланского, к которому был отправлен «бездуховный» Маррацин, отказавшийся от своего долга по доставке, и его желание акцентировать внимание на добродетелях Сориана, который взял на себя эту задачу. Немаловажным является и тот факт, что Павлин позиционировал себя в своих письмах, как высокодуховного человека, склонного к аскезе, таким же он воспринимал и Сульпиция Севера, следовательно, курьер, проявляющий прямо противоположные качества, мог принести вред тому имиджу автора, который конструировался им самим в текстах посланий.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Conybeare, C. 2000: *Paulinus Noster Self and Symbols in the Letters of Paulinus of Nola*. Oxford.
- Cvetkovic, C.A., Gemeinhardt, P. 2019: *Episcopal Networks in Late Antiquity: Connection and Communication Across Boundaries*. Berlin.
- Dekker, R. 2018: *Episcopal Networks and Authority in Late Antique Egypt: Bishops of the Theban Region at Work*. Leuven.
- Litovchenko, E.V., Semicheva, E.A. 2022: Perepiska v pozdney antichnosti: o roli nekotorykh kur'erov Sidoniya v funktsionirovaniy «epistol'yarnoy seti» (po pis'mam IV. 4, IV. 7, IV. 12). [Correspondence in Late Antiquity: Towards the Role of Some Couriers of Sidonius in the Functioning of the "Epistolary Network" (Letters IV. 4, IV. 7, IV. 12)]. *Intelligentsiya i mir [Intelligentsia and the World]* 4, 9–24.
- Литовченко, Е.В., Семичева, Е.А. 2022: Переписка в поздней античности: о роли некоторых курьеров Сидония в функционировании «эпистолярной сети» (по письмам IV. 4, IV. 7, IV. 12). *Интеллигенция и мир* 4, 9–24.
- Litovchenko, E.V., Semicheva, E.A. 2023: Setevye aspekty kommunikatsii pozdneantichnoy intellektual'noy elity [Network Aspects of Communication of the Late Antique Intellectual Elite]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University]* 3(67). https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4963.
- Литовченко, Е.В., Семичева, Е.А. 2023: Сетевые аспекты коммуникации позднеантичной интеллектуальной элиты. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета* 3 (67). https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4963.
- Mratschek, S. 2002: *Der Briefwechsel des Paulinus von Nola. Kommunikation und soziale Kontakte zwischen christlichen Intellektuellen*. Göttingen.
- Trout, D.E. 1999: *Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems*. Berkeley.
- Walsh, P.G. 1966: *Letters of St. Paulinus of Nola*. Vol. I. *Letters 1–22*. New York.

при этом, выделяя особо воспитанность и невежество, как качества, отличающего достойного курьера от недостойного.

“INSPIRITALIS MONACHUS”:
TOWARDS THE HISTORY OF A LETTER OF PAULINUS OF NOLA

Elena V. Litovchenko

*Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia;
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

E-mail: litovchenko@bsuedu.ru

The article discusses epistle 22 by Bishop Paulinus of Nola (5th century), the author of a collection of letters (a total of 51 epistles have survived), which formed a kind of epistolary network of friends, acquaintances and colleagues living in the territory of the Roman Empire at that time. Correspondence was an important element of communication in a situation where personal contacts were difficult. Such literary networks involved not only addressees and addressers, but also the reading public, to whom messages became available as examples of the epistolary genre, as well as couriers. Late antique authors took a responsible approach to the choice of couriers, since they were entrusted with valuable, sometimes secret, information. The aim of this article is to determine the role of envoys in the late antique epistolary network using selected epistles of Paulinus of Nola, with an emphasis on Epistle 22. This epistle, addressed to Sulpicius Severus, introduces the “spiritless monk” Marrazinus, who aroused Paulinus’s indignation by his inadequacy to the status of a monk. The letter was written during a period of discord between the bishop of Nola and Sulpicius, so Paulinus considered the dispatch of such an unsuitable courier as yet another link in the chain of disagreements with his friend. Analysis and interpretation of the text within the framework of microhistorical and hermeneutic approaches showed that couriers performed an important mission of communication between Christian leaders, were associated with the personality of the sender of the letter, were often admitted to the author’s inner circle, so the choice of courier could influence the image of the author of the collection of letters constructed by him, and unworthy people who did not correspond to the Christian model of appearance and behavior were condemned.

Keywords: Late Antiquity, epistolary practice, Paulinus of Nola, couriers

---
